

The background of the entire page is a photograph of a winter forest. The trees are heavily laden with snow, their branches creating a complex, white web against a darker sky. In the foreground, a wooden fence or railing, also covered in snow, runs across the bottom of the frame. The overall atmosphere is quiet and serene.

Наша зима. Проза

Издание группы
авторов под редакцией
Сергея Ходосевича

Сергей Ходосевич
Наша зима. Проза. Издание
группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39439059

ISBN 9785449383808

Аннотация

Святочные страшилки, веселые истории, необычная фантастика и фэнтези, а также приключения. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Короткая проза	5
Марат Валеев	6
Игра в снежки	7
Изюминка	11
Зимние забавы	16
Предъява	21
Утро в гареме	24
Как я был Дедом Морозом	29
У всех дети как дети...	33
Бешбармак	36
Ах, какой мужчина!	40
Вундеркинд	44
Интервью с долгожителем	46
Мать-Моржиха	50
Бабушки и дедушки	55
Берегите мужчин	59
Семечки	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наша зима. Проза
Издание группы
авторов под редакцией
Сергея Ходосевича

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4493-8380-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Короткая проза



Марат Валеев



Игра в снежки

Коренной москвич студент Гарик Карапетян декабрьским вечерком вышел из подъезда дома своей однокурсницы Наденьки Рыжовой. Они только что закончили подготовку к очередной экзаменационной сессии и потому у Гарика было хорошее настроение. Под стать была и погода: мягкая, чуть-чуть морозная. Крупными хлопьями валил снег, мягким ватным одеялом покрывая дома, улицы, деревья, смоляные кудри Гарика.

– И-эх, как хорошо-то! – закричал Гарик, слепил снежок и метнул его наудачу.

Снежок попал в лобовое стекло одной из стоящих у подъезда крутых иномарок. Иностранка взревела дурным голосом. Тут же распахнулось окно на втором этаже и какой-то мужик не менее дурным голосом прокричал:

– Э, ты, а ну отойди от моей тачки! Или сейчас выйду – мало не покажется!

– Да не трогал я вашей машины! – обиженно ответил Гарик.

Но хорошее настроение у него не пропало, и вторым снежком он залепил точно в распахнутое окно автовладельца. Тот выругался и исчез в глубине квартиры.

Гарик захохотал и побежал прочь. Позитив все еще не оставлял студента. Он на ходу еще раз зачерпнул снежок

и легонько бросил его в спину торопливо семенящей впереди него женщины.

– Караул, грабят, убивают! – пискнула та и припустила бегом по тротуару. Но поскользнулась и упала.

Гарик, все еще улыбаясь, подошел к ней, протянул руку.

– Уйди, маньяк! – завизжала тетенька, прижимая к груди сумочку.

– Да я же помочь вам хотел, – сконфуженно пролепетал Гарик. – Ну, не хотите – как хотите.

И опечаленно пошел прочь. А крупные хлопья снега, кружась, все падали и падали вниз, как будто с неба на землю вдруг устремились мириады белых бабочек. Гарик подумал о своей однокурснице Наденьке, с которой они сегодня столько трудились, готовясь к сессии, и у него потеплело в груди.

Он снова слепил снежок и просто высоко подбросил его вверх. Снежок, описав крутую дугу, упал точно на бритую голову вразвалку шедшего перед Гариком рослого парня.

– Быкуешь, пацан? – бритый угрожающе выставил перед собой сжатые кулаки и косолапо пошел на Гарика. – Э, да ты еще и нерусский? А ну стой!

Гарик тут же нырнул в подвернувшийся двор. Запыхавшись, встал за покрытое снежной шапкой дерево, выглянул. Бритого не было. Гарик вздохнул с облегчением.

И тут ему в спину мягко ударил снежок и послышался залистый детский смех. Гарик вздрогнул и обернулся. В пя-

ти шагах стояла тепло одетая хорошенькая девчушка лет семи-восьми и лепила новый снежок.

– Какой ты смешной! – весело сказала она. – Давай в снежки поиграем, а?

– Девочка, тебя разве не учили, что нельзя общаться с незнакомыми мужчинами? – разулыбался Гарик. – А вдруг я нехороший?

– Да какой ты нехороший! – снова засмеялась девочка. – Ты смешной. Да и не боюсь я тебя. Со мной охрана. Ну, теперь твоя очередь. Брось в меня снежок!

И только тут Гарик заметил, что за соседним деревом стоит, весь покрытый снегом, как большой сугроб, верзила.

– Бросай снежок, парень, бросай! – поощрительно прогудел сугроб. – Но смотри мне!

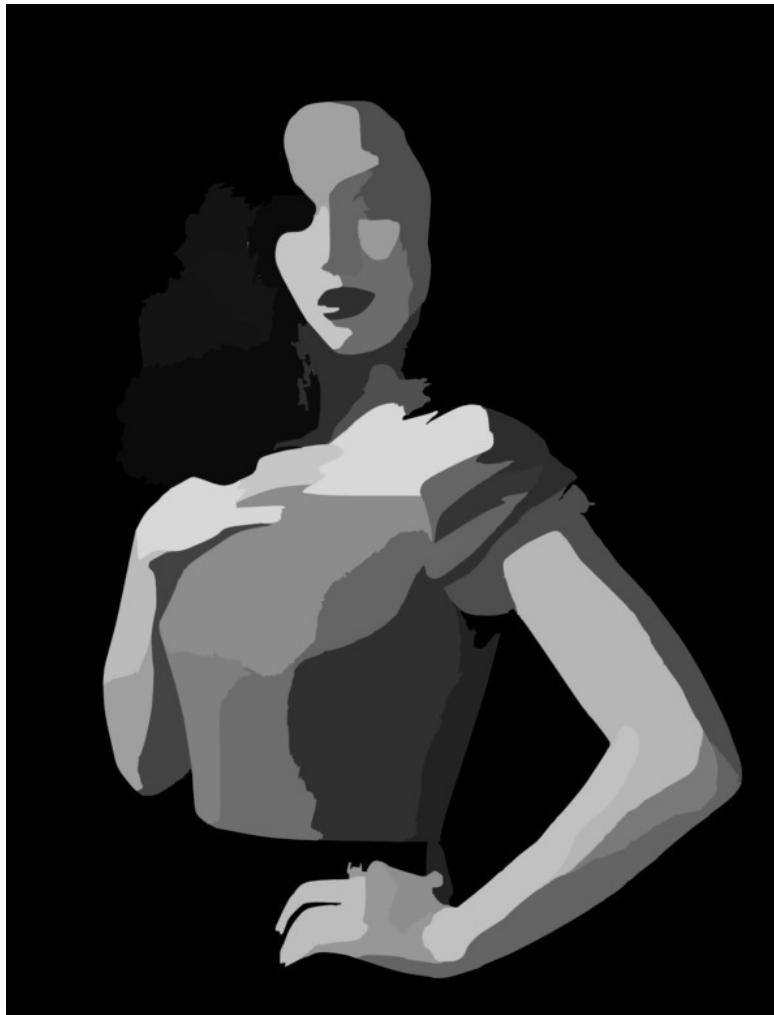
И он сунул руку во внутренний карман.

– А можно, я домой пойду, а? – жалобно сказал Гарик. – У меня бабушка больная.

– Ладно уж, иди! – милостиво разрешила девочка. – А это тебе на дорожку!

И увесистый снежок угодил Гарику точно в лоб.

– Контрольный! – довольно крикнул охранник. – Молоток, Юленька. А ты иди, мужик, иди! Пока мы не передумали...



Изюминка

Весной прошлого года это было. Мартовским утром я стоял в очереди в регистратуре Красноярского Спид-Центра, чтобы сдать кровь на анализы – не подумайте плохого, просто собирался на плановую госпитализацию, а без этого анализа, понятное дело, больница не примет.

Окошечко было еще закрыто, и я, выбравшись из очереди, присел на лавку у стены. И тут мой взгляд зацепился за молодую женщину, стоявшую до этого впереди меня. Там, в очереди, я мог видеть только ее узкую спину с рассыпанными по плечам роскошными рыжими, почти красными волосами.

А тут, немного со стороны, появилась возможность рассмотреть ее получше. Правильно, начал я с ног, обтянутых колготками телесного цвета. И хотя ноги эти были открыты только до колен, выше их скрывало пальто, я от этих ног уже не мог оторвать глаз. Вернее, от щиколоток.

Боюсь, у меня не хватит слов, чтобы описать их красоту. Они были тонкие – не худые, а именно тонкие и изящные, плавно переходящие опять же в изящные округлые икры. Полы длинного пальто не могли скрыть стройности этих ножек.

Обладательница их время от времени как-то по особенному отставляла в сторону то одну, то другую ножку в красивых ботильонах (вот не люблю этого слова, но это были

именно они, ботильоны). И столько женственности и сексуальности было в этой отставленной ножке!..

Но, блин, лучше бы она не оборачивалась, и я бы унес с собой созданный в моем воображении образ пленительной молодой женщины.

Однако она обернулась. И оказалась простушкой, с размазанными глазами, мелкий калибр которых не могла скрыть никакая краска, с толстоватым носом и большегубым ртом, опять же искусно, посредством помады, визуально уменьшенным в размере.

Мда, не красавица... Но, с другой стороны, друзья мои, много ли вообще на свете таких женщин, в которых бы все сочеталось самым наилучшим образом: и лицо, и фигура, и манеры, и этот, как его, ум? Таких, если честно, единицы. И я не открою большого секрета, если скажу, что женщину мы вообще-то можем любить и за отдельные ее красивые части, наиболее пришедшиеся нам по вкусу.

Вот когда мне было десять лет, я влюбился в одноклассницу за то, что однажды увидел ее на морозе синей, и этот цвет ее, к тому же еще и хорошенького, личика, так сочетался с ее сизовой меховой шубкой, что я на долгие годы, вплоть до окончания сельской восьмилетки, был в нее безответно влюблен. Впрочем, она о моих чувствах, я так думаю, и не догадывалась.

А уже став взрослым, перед армией влюбился в девчонку, в которой меня покорила ее... носик! Такой аккуратный,

точенный, ну – просто само совершенство среди женских носиков. И я любил целовать его. Ну да, и губы тоже. До всего остального добраться, увы, не успел – до меня раньше добрался военкомат.

Еще одна девушка, это когда я уже вернулся из армии, сводила меня с ума своей шеей – длинной, белой, с пульсирующей под почти прозрачной кожей синеватой жилкой. И для меня эта часть ее тела была самой привлекательной. Не отказывался я, конечно, и от остальных, но вот эта почти лебединая шейка вводила меня в экстаз и, сколько бы ее хозяйка шаловливо, а порой и сердито, не шлепала меня по губам, я так и не научился не оставлять на ней засосы.

Или вот, мой знакомый, Виктор, тот сходил с ума, если встречал особей с зелеными глазами. Он прямо трясся от вожделения и был готов идти за зеленоглазой женщиной на край света. И ведь встретилась ему такая – Наташа, с глазами цвета малахита.

Правда, замужняя уже, с ребенком. Но Виктора это не остановило, он увел зеленоглазую Наталью из семьи и увез ее хоть и не на край света, но, считайте, на край России, в Ставрополье. И они жили там счастливо, но правда – недолго, потому что у Виктора эту Наташу сумел отбить другой любитель зеленых глаз.

Впрочем, пора уже возвращаться ко мне. Мне вот повезло: женился на женщине, которая ну само совершенство (чего уж там скромничать!). Но больше всего мне нравится

ее профиль. Он и сегодня у Светки остается очень милым и женственным, и я люблю вглядываться в него и думать: «До чего же хорошо, что я тебя когда-то встретил!»...

А то, что я иногда обращаю внимание и на других женщин, вовсе не означает, что я готов променять свою жену на кого-то другого. Ведь и на нее тоже кто-то смотрит. И пусть смотрит. Нельзя не любоваться красотой и совершенством женщины. Пусть они при этом не все красавицы. Но в каждой есть своя изюминка, заставляющая мужиков идти с ними хоть на край света...



Зимние забавы

Зимние каникулы! Их мы ждали с не меньшим нетерпением, чем летние. Ведь зимних забав в деревне хоть отбавляй – тут тебе и катание на коньках на замерзшем льду озера Долгое, и подледная рыбалка, и поход на лыжах через Иртыш, и катание на санках с крутого старого иртышского берега – спуска к огородам.

Но поскольку зимой день короток, а после школы надо и родителям по хозяйству помочь, и хоть часть уроков сделать, на эти забавы времени абсолютно не оставалось. Глядь в заиндевелое окно – а там уже багровый (к морозу) вечерний закат и быстро надвигающиеся ночные сумерки с яркими слабо мерцающими звездами в темном безоблачном небе. Так что на зимние игры оставалось разве что воскресенье.

А в каникулы – это ж две недели свободы! В 60-е мое родное село Пятерыжск было особенно населено и детей в нем было много, так что в зимние каникулы на льду пойменных озер, на крутой укатанной береговой горке просто звон стоял от счастливых криков и смеха ребятишек.

Коньков настоящих тогда почти ни у кого не было, к валенкам туго приматывались деревянные бруски с прилаженными к ним проволочными полозками, вот на них-то мы и рассекали со скрежетом по льду, гоняя самодельными же

деревянными клюшками шайбы (а вот шайба, помню, почти всегда была настоящей – где-то доставали).

Но больше всего детей – и мальчишек, и девчонок, – сустилось на горке, спуске к огородам под иртышским берегом. Этот взвоз (как раз напротив дома Копейкиных Дяди Тимоши и тети Физы) был самым крутым – как помнится, с уклоном градусов в 30—40, – из всех имеющихся в деревне, и длиной в несколько десятков метров.

Он предназначался преимущественно для пешего спуска сельчан, как я уже говорил, к расположенным под берегом на черноземной луговине огородам, для выгона гусей и уток, телят на луговые пастбища летом и поения коров из бьющего внизу из песчаного обрыва большого ручья зимой.

На чем только мы не съезжали с этой горки, с радостным визгом от захватывающей скорости, от бьющего в лицо встречного ледяного ветра! Лучше всего, конечно, было скатываться на заводских санках – с алюминиевыми полозьями, с решетчатой крашеной седушкой!

Такие санки и скользили хорошо, и обратно вверх их за-таскивать было легко (за день-то удавалось съезжать до десяти и больше раз, дождавшись своей очереди – да-да, именно очереди, потому как здесь действовал самый настоящий, постоянно движущийся конвейер из двух-трех десятков ребятшек: пока одни, плюхнувшись животом на санки или солидно усевшись на них, нередко – по двое, скатывались вниз, другие вереницей карабкались обочь спуска вверх, та-

ща на веревочных, ременных или проволочных поводках санки.

У кого не было санок – те лихо скатывались вниз в корытах или тазиках, часто – вываливаясь из них и с хохотом кувыркаясь по накатанной колее. Катались также, стоя на самодельных самокатах из толстого, специального выгнутого в кузнице прутового железа.

Несколько раз видел, как взрослые парни (восьмиклассники для нас, учеников третьих-четвертых классов, казались уже взрослыми – они были выпускниками) толпой, с гоготом скатывались вниз на самых настоящих конных розвальнях, с торчащими вверх специально подвязанными оглоблями!

Но верхом совершенства и предметом всеобщей зависти нам всем тогда казались санки, сотворенные с немецкой основательностью и добротностью дядей Адольфом Ляйрихом для своих сыновей Сашки и Вовки! Основой их было то же прутовое железо, овально выгнутое таким образом, что низ их служил полозьями, а верх – рамой, на котором намертво было прикреплена, толстая и достаточно широкая и длинная, гладко обструганная плаха- сиденье.

На этих санях, не мелко дребезжащих на ходу, как разбитые алюминиевые, а солидно покрякивающих и плавно покачивающихся на стремительном ходу, сразу могли уехать вниз несколько человек! Причем, быстрее и куда дальше, чем на обычных санках.

И желающих прокатиться на ляйриховских санках, конеч-

но, было хоть отбавляй! Надо сказать, что Сашка с Вовкой не жадничали и давали попользоваться своими санками хоть раз в день всем желающим.

Там, внизу, из снежных блоков был сооружен самодельный трамплин, предназначенный для лыжников-старшекласников. Но иногда на него наезжали и безрассудные саночники, что заканчивалось обычно разбитыми носами и сломанными санками. Потому трамплин этот мы все же избегали.

Но однажды один из братьев Ляйрихов, то ли Сашка, то ли Вовка, один наехал на стремительно мчавшихся санях на это возвышение. И воспарил! Он, слившийся с седушкой, пролетел метров, наверное, с десять и с глухим стуком обрушился на веерно раскатанный многими санками и лыжами скат за трамплином и еще по инерции проехал по нему пару десятков метров.

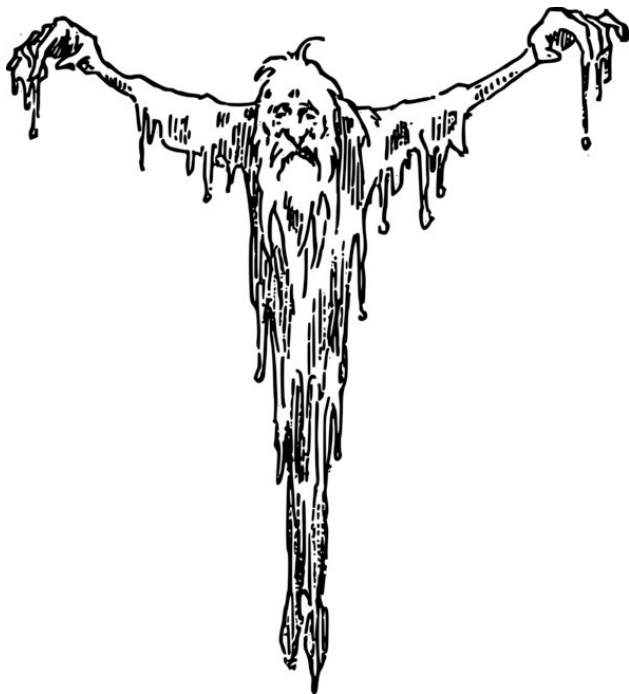
Мы думали – отбил все себе к чертовой матери, надо идти поднимать его и нести домой. Но Сашка (или Вовка?) сам сполз с санок и, взяв их за ременный поводок, слегка прихрамывая, потащил к подъему в горку. К нему уже сбежал брат, и скоро они оба были вверху. И Вовка (или Сашка?!) возбужденно рассказывал:

– Лечу я, и вижу: дядя Тапень внизу подо мной! Корову гонит от ручья и мне прутом грозит: «Я те полетаю!»

Мы не видели ни дяди Тапеня (был у нас такой в деревне мужичок-казах с таким вот странным именем и не менее

странной для казаха профессией – свинопас), ни его коро-
вы. Но видели, как высоко летел на своих знаменитых санках
один из братьев Ляйрихов. И мало ли что там могло быть,
внизу?..

Эх, зимние школьные каникулы! Много бы я отдал, что-
бы хоть еще раз ощутить на себе их непередаваемое очаро-
вание...



Предъява

- Так, это кто кинул?
- Извините, это я.
- Ты что, ботаник, предъяву мне делаешь?
- Простите, не понял?
- Ну, в смысле, стрелку мне забить хочешь?
- Как это?
- Ты что, русского языка не понимаешь?
- Почему же? Я, в некотором роде, филолог.
- Так вот, философ, ты что, рамсы попутал.
- Чего я, извините, напутал?
- Нет, ты только погляди на него! Шлангом прикинулся!
- Боюсь повторно вызвать ваше раздражение, но я не...
- Так, заткнись, профессор! В последний раз спрашиваю!

Возможно, на понятном тебе языке. С какой целью ты кинул в меня этот слепленный тобой комок снега, а?

– Ну, просто настроение у меня хорошее! Смотрю, идет молодой интеллигентный человек с хорошим, открытым лицом...

– Ага, понятно! Расслабуху я, говоришь, допустил, открылся. Ну, дальше трактуй свой безрассудный поступок.

– Ну, я слепил снежок и кинул в вас. Просто так. Извините, если вам не понравилось.

– Значит, ты ничего ко мне не имеешь?

- Ничего, кроме первоначальной симпатии. Хотя от нее, кажется, уже ничего...
- И никто тебя ко мне не подсылал?
- Да нет. Я сам. Смотрю, идет молодой симпатичный человек...
- А, так ты голубой?
- Простите? А, вы в этом смысле... Нет, что вы, я женщин люблю.
- Хм! Что-то я тогда никак не влюблюсь... Впрочем, некогда мне тут с тобой.
- Ну, тогда я пошел?
- Куда это ты пошел? Ты понимаешь, что на твое действие я просто обязан ответить противодействием? Иначе это будет не по-пацански!
- Понимаю... Наверное. Хотя не совсем.
- Щас поймешь, ботаник несчастный! Становись вот к этой стенке.
- Вот сюда? Хорошо. Можно, я очки сниму?
- Ладно, снимай. И не шевелись, пока я не прицелюсь! Во, сходу попал! Не больно?
- Да нет! Снежок вы слепили не очень твердый.
- Ну, тогда мы с тобой, значит, разошлись краями. Бывай, ботаник!



Утро в гареме

– Хабиба!

– Я, мой господин!

– Фатима!

– Да, мой повелитель!

– Зухра!

– Я здесь, свет моих очей!

– Гульчатай!

...

– Гульчатай!!

...

– Гульчатай, зараза!!!

– Ее нет, о муж наш! Но скоро будет.

– А что вы такие все надутые? Как неродные прямо! Говори, моя старшая жена Хабиба! Нет, сначала вели принести мне щербета*. Только холодненького!.. Ах, хорошо! Рахмат* тебе, Фатима! Ну, так что ты хотела мне сказать, Хабиба?

– Ты, наверное, забыл, мой повелитель. Но вчера, когда ты приполз из дукана*, куда ты уходил попить кофе, ты был как тюфяк*, прости меня, Господи!

– Да как ты смеешь!

– Хабиба правду говорит, о наш общий супруг!

– А тебя, Зухра, никто не спрашивает! Ладно, продолжай, старшая жена! И прошу тебя, поаккуратнее с выражениями.

Какой пример ты подаешь своим младшим коллегам?

– Якши, мой господин! Скажем так – ты был не в своей пиале*. И сообщил нам, что хочешь поменять нас на другой гарем!

– Так, что-то припоминаю... Ну-ка, Зухра, дай-ка я еще отхлебну щербета... Фу ты, уже теплый! А покрепче у нас там ничего нет?

– В нашем сарае* сейчас ничего крепче зеленого чая нет. Ты вчера все выпил, о пьянейший муж наш! Даже двухнедельный прокисший кумыс! Алкач*!

– Нет, это никуда не годится! Ты наказана, Хабиба – три месяца без этого, как его... без интима!

– Четыре.

– Что – четыре?

– Уже четыре луны*, как того, о чем ты говоришь, не было с тобой не только у меня, но и у остальных жен!

– Да? Странно, а с кем же это я вчера... Ну ладно, не будем об этом.

– Нет, почему же, о неверный наш муж! Мы все хотим услышать, на кого ты нас хочешь променять!

– Все? А где Гульчатай? У вас нет кворума, о несчастные женоподобные создания!

– Гульчатай сейчас придет.

– А где она?

– Да за бузой* она ушла, в дуكان! Ты еще с вечера ей наказал, как самой любимой жене.

– Ну, это другое дело. Ладно, Зухра, продолжай.

– Так на кого ты там польстился? На гарем кривого Махмуда? Или на жен Абдурахмана? А может быть, супруги Рашида тебя сбили с толку?

– Да что вы, о занозы сердца моего! Мне и вас за глаза хватает! Вы, наверное, вчера меня просто не так поняли! Я, наверное, про это... про гараж говорил, вот! Старый у меня гараж, да и тесный. Надо бы на десять машин, а мой вмещает всего пять. Вот надо бы его поменять на более просторный. А вам, о ревнивицы мои, слышалось, что я говорю про какой-то другой гарем, тогда как я говорил про гараж, хе-хе!

– Поклянись!

– Да чтобы мне еще раз жениться! Да чтобы все мои любимые тещи разом приехали в гости! Да чтобы в нашем дуكانе закончилась буза! Да чтобы...

– Ладно тебе, господинка наш, ладно, верим. Но в последний раз, слышишь? А то мы сами скажем тебе хором: талак!* И это уже ни с каким гаражом не спутаешь!

– Да слышу, слышу! Но где же мой утренний бальзам? Где шляется эта несносная Гульчатай? Гульчатай!! Гульчатай, зараза!!!

Примечания:

Гарем – коллектив из нескольких жен

Щербет – безалкогольный восточный напиток

Рахмат – типа «спасибо»

Дукан – восточная забегаловка

Тюфяк – бесформенный матрац

Сарай – по-ихнему дворец

Алкач – международное определение пьющего человека

Луна – не то, что вы подумали. Это календарный месяц

Пиала – чашка такая. Сойдет и за тарелку

Буза – слабый алкогольный напиток, которым можно неслабо надраться

Талак – мечта всякого не восточного женатика. Арабу, например, достаточно трижды прокричать «Талак!», и он в разводе.



Как я был Дедом Морозом

В седьмом классе (школа наша была восьмилетней) меня назначили Дедом Морозом. Моей задачей было дождаться, пока меня позовет Снегурочка, и награждать сладостями тех, кто прочитает Деду Морозу стихи или споет песенку.

– С конфетами поаккуратнее, – предупредила меня классная руководительница Татьяна Ивановна. – Ну, иди, иди, не мешай нам Снегурочку наряжать. Я потом подойду.

Я еще не успел удалиться от учительской, как откуда-то вынырнул Ленька Скосырев, известный оболтус и хулиган. Он показал мне кулак, затем левой рукой схватился за посох – чтобы я не смог его огреть, а правой залез в корзину и выгреб оттуда приличную горсть сладостей раз, потом еще раз. Единственное, что я успел – так это пнуть его вдогонку. Но я был в валенках. А они, как известно, почти мягкие. Так что Ленька в ответ только загоготал и пошел себе, шурша на ходу фантиками.

Я заглянул в корзину – там еще было, и грустно зашаркал валенками дальше.

– Дед Мороз, а куда это ты без меня? – услышал я за спиной мелодичный голосок, оглянулся и обомлел – меня нагоняла, постукивая каблучками, ослепительная Снегурочка.

В ней я узнал восьмиклассницу, красавицу Любочку Анискину.

– Так это ты будешь Снегурочкой? – пролепетал я, краснея от макушки до валенок.

– А ты бы кого хотел? – жеманно пропела Снегурочка и потрепала меня за бороду. – Ну, ладно, дедуля, дай-ка мне немного конфет и жди, когда я тебя позову из класса.

– Конечно, конечно! – заторопился я, и отвалил объекту своих тайных вздыханий столько конфет, сколько мог захватить. И проводил Снегурочку влюбленным взглядом.

– Слышь, Дед Мороз, ты когда отдашь мне спиннинг, а? Опять этот Вовка!

– Вот летом заработаю на сенокосе, куплю и отдам, – пробурчал я. – Но учти, сначала я его поломаю, как и ты мне дал сломанный...

– Значит, не хочешь отдавать? А если я своему старшему брату пожалуюсь, и он тебе самому чего-нибудь сломает, а?

– Ладно, ладно, – примирительно сказал я Вовке. – Чего ты хочешь?

Вовка не сводил своих алчных глаз с моей сильно полегчавшей корзины.

– На, жри! – обреченно сказал я, вылавливая остатки конфет и пряников.

А от елки уже кричали хором, и звонче всех был голос Снегурочки:

– Дед Моррро-о-з, ты где-е? Иди к нааааам!

Я затосковал: идти к ним было не с чем. На дне корзины сиротливо валялись две карамельки. И тут меня осенило:

в учительской я видел ящики с новогодними подарками. Был там, несомненно, и мой. Что ж, придется им пожертвовать на общее дело. И я, путаясь в полах длинной шубы, засеменял обратно к учительской.

– Ты чего, Дед Мороз? За мной, что ли? – удивилась Татьяна Ивановна.

– Нет, не за вами, – сказал я. – Можно, я заранее свой подарок заберу?

– А не сбежишь? – с подозрением посмотрела на меня Татьяна Ивановна.

– Да ну что вы? – укоризненно сказал я. – Вот прямо щас иду под елку.

– Ну, ладно, – сказала Татьяна Ивановна. – Все меньше потом раздавать.

И тут меня еще раз осенило.

– Татьяна Ивановна, – как можно проникновеннее сказал я. – Давайте я уж тогда сам, как Дед Мороз, вручу подарки в виде исключения и моим лучшим друзьям Ленке Скосыреву и Вовке Спирину! Им будет приятно.

– Дед Мороооооооз, ты гдеееееееееееее! – надсадно орала школа и сердито топала ногами.

– Ладно, забирай и беги скорее к елке, – прислушавшись к этому реву, сказала Татьяна Ивановна.

И ведь этих подарков хватило всем старательным чтецам стихов, певцам песен и танцорам танцев! Даже всего двух пакетов... Правда, потом все зимние каникулы мне пришлось

прятаться от Леньки Скосырева и Вовкиного брата, амбала Мишки-тракториста. Но это было ничто в сравнении с тем, какие были у моих обидчиков рожи, когда они пришли получать свои подарки, а их отправили к Деду Морозу!..



У всех дети как дети...

- У всех дети как дети! Один ты у меня... Торгаш несчастный! Вот кем стал Колька Бандурин?
- Ну, прокурором.
- А-а, то-то! А ведь вместе росли, можно сказать. За одной партой сидели.
- Я с ним не сидел! Со мной Олежка сидел.
- Да какая разница. Так кто он, Колька Бандурин, и кто ты, а?
- Мама, так Кольку Бандурина сняли недавно.
- Как это сняли? Прокуроров у нас не снимают!
- А вот его сняли! За некомпетентность и злоупотребление служебным положением. И теперь он сам может сесть. Где-нибудь рядом с Олежкой.
- Как, Олежка сидит? Такой красавец, спортсмен, чемпион. За что же его?
- Связался с какой-то преступной бандой, долги они вышибали. И перестарался. Шесть лет дали ему.
- Ну ладно, Бандурин, Олежка – это просто какое-то глупое стечение обстоятельств. А вот взять Витеньку Пожарского. Кто ты и кто он?
- Ну, артист он... С погорелого театра.
- Как этого погорелого? Не погорелого, а областного драматического!

– Прогорел театр. Уже полгода актерам зарплату не платит.

– Боже, какое время! Какое несчастье! Ну и где теперь Витенька?

– Не переживай за него, мама! Он все же, как-никак, мой одноклассник. Я его к себе пристроил.

– Куда, торгашом? В свою лавку? О, несчастная я, несчастная! За что только боролись твои деды и прадеды?

– Во-первых, маму, не в лавку, а в один из сети магазинов. Причем сразу заместителем директора. Может, будет с него какой толк. Во-вторых, мои деды и прадеды и боролись за то, чтобы всем было хорошо. А разве я виноват, что кому-то хорошо, а кому-то нет? Может, они сами виноваты, не той дорогой пошли?

– Ай, оставь, тебя не переспоришь, торгаш несчастный!.. Пстой, куда это мы едем?

– Уже не едем, а летим, мама!

– Ну, хорошо. Так куда мы летим?

– Так на Сейшелы же, мама!

– На Сейшелы? Не хочу! Мы там в позапрошлом году были.

– А куда же ты хочешь, мама?

– На Бали!

– Ну, на Бали, так на Бали! Поворачивай, Сергей Михайлович! Так, кто у нас там еще остался, мама?



Бешбармак

А побалую-ка я своих домочадцев и друзей сегодня, в Новый год бешбармаком! Тем более что готовится это блюдо очень просто.

Многие наверняка знают, что оно широко распространено в Казахстане и Башкортостане. Хотя им также не прочь полакомиться и мои соотечественники – татары. Поэтому и называется оно немного по-разному: бесбармак, бешбармак, бишбармак. Но суть всех названий едина – в переводе на русский сие кушанье означает «пять пальцев». То есть угощаться бешбармаком можно при помощи рук.

Но этот обычай уходит корнями в глубокое прошлое, когда и со столовыми приборами, и с водой для их мытья был напряг, особенно в среде степняков. Сегодня бешбармак едят вполне цивилизованно, с использованием ложек и вилок, кому как сподручней. Но для начала его надо всё же приготовить. Рецептов бешбармака на самом деле совсем немного. И готовить его, на мой взгляд, совсем просто.

Для этого нужно:

- жирная баранина на разрубленных костях (на человек 5—6 – килограмма два);
- обычное тесто (полкило муки, яйцо, вода);
- головки 3—4 лука, укроп, петрушка, перец, соль.

Мясо надо варить в большой кастрюле долго и на медлен-

ном огне, пока оно не начнёт сваливаться с костей. Да, насчёт мяса. Если нет под рукой баранины, сойдёт и говядина (но, опять же, как вы понимаете, на кости – для навара). На худой конец, бешбармак варят даже из гуся!

Я много лет жил на севере, в Эвенкии, и у нас была проблема с названными видами мяса. Но вполне сходила и оленина. Во всяком случае, я готовил бешбармак из мяса ДСО (дикого северного оленя).

Поскольку оленина в моём холодильнике не переводилась, то бешбармак у меня дома был практически дежурным блюдом. И когда я доводил его до ума, собаки на улице сходили с ума – запахи через форточку обволакивали полпосёлка. Думаю, непросто приходилось и соседям.

Но вернёмся к столу.

Пока мясо, тихо побулькивая, доходит до кондиции, раскатаем два-три сочня (лепёшки из теста) практически до толщины газетного листа. И оставим подсыхать. Нарежем полукольцами лук, накромсаем зелени.

Готовое мясо вынимаем шумовкой и кладём в большую миску, пусть немного остынет. В это же время добавим огня, лепёшки порвём руками в клочья, как Тузик грелку (ну, кто-то режет его на аккуратные ромбики, я же предпочитаю вот такой первобытный способ), побросаем это дело в кипящую воду и, пару разу мешанув шумовкой, снимаем кастрюлю и ставим в сторонку – сочни тонкие и сами дойдут.

Тут же в небольшую кастрюльку (ну, там на литр-полтора)

отливаем бульон, бросаем в него наструганный лук, солим, перчим – это и есть наш туздук – рассол, – и ставим на освободившуюся конфорку, пусть потомится до начала кипения. Остывшее мясо режем на небольшие куски (чтобы помещались целиком в рот) и...

Стоп, стоп! Вот сейчас можно вознаградить себя за основную часть выполненной работы. Граммов сто под разваренное мясо с лучком и зеленью – в самый раз. Как, хорошо пошло? Да уж, плохого я вам не посоветую!

Кстати, кинем уже кусочек-другой мяска и коту, а то он скоро у нас охрипнет от голодного ора. А теперь поехали дальше.

Берём заранее приготовленное большое металлическое или керамическое блюдо и выкладываем в него выловленные шумовкой из бульона сочни ровным слоем, поверх – мясо, сколько поместится, но чтобы по краям было видно тесто. И несём бешбармак в гостиную, где уже собрались домашние и гости с урчащими желудками.

Не обращая внимания на их радостные вопли, поливаем мясо сверху туздуком, посыпаем зеленью, ставим также рядом с каждым участником застолья по чашке с горячим бульоном.

И водочки, водочки, конечно! Под это блюдо её можно выпить чёрт знает сколько и при этом практически не запьянеть.

Ну а с другой стороны – если не пьянеть, то зачем зря пе-

реводить спиртное? Так что всем – по сто граммов, не более.
И приятного аппетита!



Ах, какой мужчина!

Тут у Крышкина жена уехала провести свою маму на недельку в деревню. Остался Крышкин один. А когда женатый мужчина остается один, его начинают одолевать всякие разные мысли. Крышкин не мог отделаться от одной: «Почему бы мне не навестить нашу одинокую соседку Марью Ивановну? Скучно ей, наверное».

А она, эта Марья Ивановна, ничего себе женщине. Когда, бывало зайдет по соседству – за солью там, хлебушком, так порой взглянет, аж мурашки начинают бегать у Крышкина по всем щекотливым местам. Потом жена не раз говорила, что Марья Ивановна очень хвалит Крышкина. Так и говорит: «Какой замечательный у тебя муж. Не пьет, не гуляет, хозяйственный, симпатичный. Мне бы такого!»

Ну, разве можно мужьям передавать, что о них хорошего говорят соседки и подружки? Ну и значит, решил Крышкин, купил цветов, вина и пошел к Марье Ивановне под благовидным предлогом. Позвонил. Марья Ивановна дверь открыла, стоит перед ним в халатике, переминается с ноги на ногу. То одну коленку, покажет, то другую. У Крышкина аж в горле пересохло.

– Я, это... Хотел время узнать, – пролепетал он.

А Марья Ивановна посмотрела на букет цветов у Крышкина под мышкой, на бутылку вина, которую он держал перед

собой как букет (все перепутал в последний момент от волнения), понимающе улыбнулась и нежно проворковала:

– У меня с собой нет часов. Проходите в дом, там посмотрим, сколько сейчас времени.

Вошли. Марья Ивановна забрала у Крышкина бутылку, поставила на стол, букет определила в вазу. Потом вышла из спальни с будильником и говорит:

– Ах, Григорий Федорович! Не скажу я вам, сколько сейчас времени. Будильник у меня сломался.

Крышкин, до этого стоявший с опущенными вдоль туловища руками и не знающий, что ему дальше говорить, как вести себя (ну, между нами, не ходок он был), аж вскинулся весь:

– Это мы мигом! У вас отвертка есть?.. Ладно, я свою принесу!

Убежал домой, принес набор инструментов, раскидал будильник, собрал его, и тот снова пошел.

– Принимайте работу, Марья Ивановна! Вот только надо бы точное время поставить. Включите телевизор, вот-вот новости должны начаться.

Марья Ивановна всплеснула руками:

– Ой, Григорий Федорович, сломался у меня телевизор! Хотела завтра мастера вызвать...

– Зачем нам чужой мастер? – напыжился Крышкин. – Мы сами мастера!

Разобрал он телевизор, собрал его, включил – работает!

Включили они с Марьей Ивановой НТВ – как раз ночные новости идут, поставили на будильнике точное время. А Марья Ивановна, уже зевает, прикрыв прелестный рот ладошкой. И вежливо так говорит:

– Чаю не хотите, Григорий Федорович?

– А теперь можно и чаю. Или чего покрепче, – солидно отвечает ей, очень довольный собой, Крышкин. – Вот только руки помою...

И направился в ванную комнату.

– Ай! – спохватилась Марья Ивановна. – Осторожнее, Григорий Федорович. У меня только горячая вода идет, кран с холодной сломался. Давайте я вам лучше из чайника полью!

– Еще чего не хватало! – возмутился Крышкин. – Или я не мужчина? Сейчас починим.

Провозился он с краном долго. Но под утро таки отремонтировал. Кричит из ванной:

– Марья Ивановна, принимайте работу!

А в ответ – тишина. Вышел Крышкин в гостиную, и видит: спит Марья Ивановна на диване. Уютно так свернулась калачиком, кулачок подложила под розовую щеку, и посапывает, улыбаясь во сне.

Вздохнул Крышкин, на цыпочках вышел из квартиры Марьи Ивановны, и захлопнул за собой дверь.

А Марье Ивановне в это время снилось, что Крышкин ремонтирует ей квартиру.

– Ах, какой мужчина! – томно пролепетала она во сне и перевернулась на другой бочок...



Вундеркинд

Ватрухин сидел, уткнувшись в телевизор. И вдруг кто-то потрогал его за ногу. Перед ним стоял его полугодовой сыннишка, до этого мирно сопящий в своей кроватке.

– Папа! – звонко сказал он. – Дай попить.

Ватрухин на ватных ногах прошёл на кухню, принёс воды. Карапуз с причмокиванием напился.

– Спасибо! – сказал он. – Ну, я пошёл к себе.

Ватрухин бросился за женой на балкон, где она развешивала бельё.

– Ольга, там... там... Андрюшка наш!..

Перепуганная Ольга влетела в детскую. Андрюшка сидел на полу и сосредоточенно ощупывал плюшевого медвежонка.

– Мама, он ведь неживой? – спросил Андрюша. – Тогда почему кряхтит?

Ольга тоже села на пол.

– Да ну что вы, в самом деле, – обиделся Андрюшка. – Надоело мне сиднем сидеть и молчать, всего делов-то!

– С ума сойти! – пролепетала Ольга.

– Феномен. Этот, как его, вундеркинд, – согласился Ватрухин.

Ольга спросила мужа:

– Ну, что будем делать?

– В школу устроим... Которая с уклоном. Может быть, он математик. А ну-ка, Андрюша, сколько будет дважды два?

Сын снисходительно посмотрел на отца:

– Надо полагать – четыре.

– Вот! – обрадовался Ватрухин.

– А может быть, он музыкантом будет, – воспротивилась

Ольга

Тут они заспорили, куда лучше пристроить сына. Мальчонка сразу же уяснил: родители собрались лишить его детства. Он нахмурил бровки и решительно объявил:

– Ничего у вас, дорогие мои, не выйдет.

– Это почему же? – в один голос спросили удивленные родители.

– А потому, – буркнул Андрюшка. – Я ещё, между прочим, маленький. Совсем.

Он сел на пол. И под ним тут же образовалась лужица. Мокрый Андрюшка заревел и с этой минуты вновь стал развиваться, как и все обычные дети.

Интервью с долгожителем

Однажды я брал интервью у долгожителя. Вот что из этого получилось.

Я включил диктофон.

– Итак, дедушка, вам на самом деле сто один год?

Дед отрицательно помотал головой.

– Что, больше?

Дед согласно закивал.

– Ну, ничего себе! А на сколько?

Дед показал два пальца.

– Ага! Значит, вам сто три?

Дед согласно закивал.

– А почему вы молчите?

Дед что-то пробулькал, показывая себе указательным пальцем на рот.

– А, понимаю, зубы! Так у вас еще свои зубы есть?

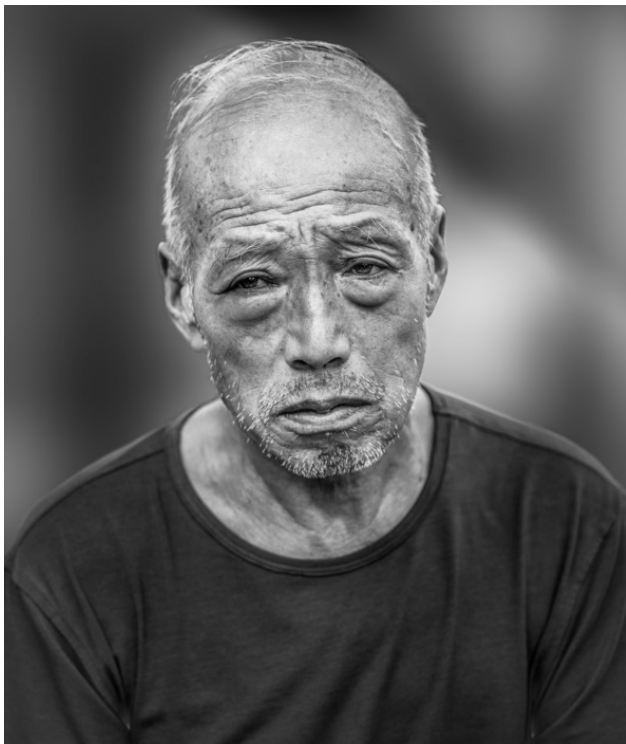
Дед согласно закивал.

– И что, сильно болят?

Дед отрицательно помотал головой.

– Ага, несильно! Это потому, что вы их полощите, да? Народным средством, да? Которое дошло до нас, так сказать, из глубины веков, да? А, вот оно, вижу! Можно?

Я взял со стола запотевшую бутылку, повертел ее в руках, вынул самодельную бумажную пробку, понюхал.



– Так это же самогон! Да холодный какой. Ледяной просто!

Тут дед сделал глоток и просипел:

– Вот именно! Перехолодил малость.

– В холодильнике? – глупо спросил я (в самом деле, где же

еще?)

Дед посмотрел на меня как на дурачка:

– На кой мне зимой холодильник-то? В сенцах у меня колотун знатный, вот он вместо холодильника. Но шибко холодное мне пить нельзя – ангины боюсь, язвы ее. Пришлось вот во рту согревать, а потом уж глотать. Слушай, паря, у тебя закурить нету? А то мне бабка не дает!

– Чего не дает? – переспросил я.

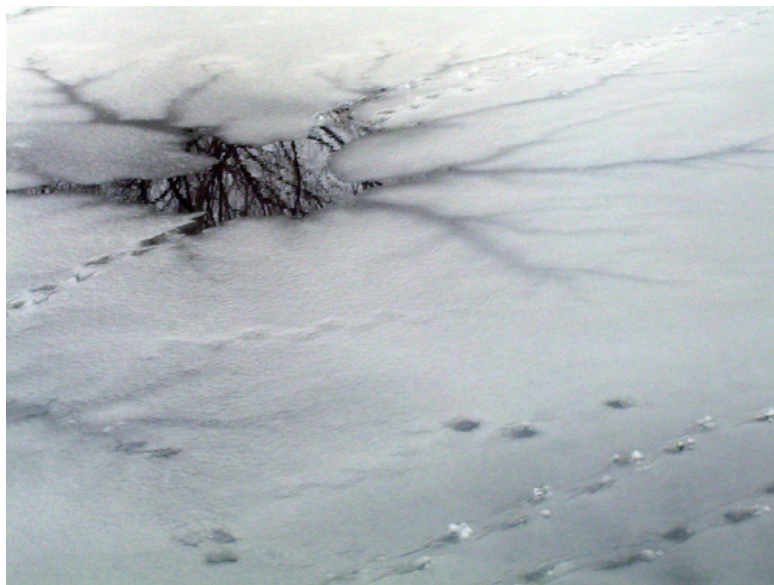
Дед, осторожно забирая из моей руки бутылку и ставя ее на место:

– Чего, чего... И курить не дает! Разведусь с ней, на хрен, женюсь на молодке. Есть тут одна по соседству. Всего шестьдесят пять годков. Хоть куда еще телка. Ну, чего там у тебя еще, спрашивай. А я, пока бабка из погреба вылезет с огурцами, накачу-ка еще по одной. Грех перед обедом не выпить. Будешь?..

Ну, чего оставалось? Выпили мы с дедом, и на прощание я пожелал ему дожить до ста... Фу ты, о чем-то я? До ста пятидесяти, вот!

А недавно узнал: нет, не дожил старичила тот до ста пятидесяти. В сто семь дуба дал. В погреб упал, когда сам за огурцами солеными полез, и шею себе сломал, болезный.

Вот люди бывают, а?



Мать-Моржиха

У меня соседка, баба Таня, самая что ни на есть Мать-моржиха (так её в нашем доме и называют): начинает купаться в реке, когда только льдины сойдут. Или посреди льдин. А как река замерзает, она обливается во дворе водой, стоя на снегу. Прямо под нашими окнами, босиком.

Все, кто смотрит из окон на этот здоровый энтузиазм, мёрзнут в своих квартирах. И сразу бегут на кухню греться – кто крепким горячим чаем, а кто чем покрепче. Благодаря бабе Тане уже пять мужиков из нашего подъезда спились. А ей хоть бы хны. Семьдесят пять уже нашей Матери-моржихе. Но ей никто столько не даёт. Только семьдесят четыре. Такой вот молодухой она после обливания выглядит.

И тут я в нашей местной газете прочитал, что если прислать на фотоконкурс «Чудак-человек» снимок гражданина или гражданки, занимающихся чем-то необычным, можно неплохо заработать. Гонорар за снимок – это раз. А ещё денежный приз в случае победы – два. Ну и с героя или героини снимка потом слупить чего-нибудь можно – три (это я уже сам додумался).

И ещё я догадался, что как раз на нашей бабе Тане и можно заработать. Она самая что ни на есть чудачка. Ну, какой ещё нормальный человек по доброй воле на морозе, босиком будет поливать себя холодной же водой (холодная, хо-

лодная – сам как-то потрогал)?

Ввёл бабу Таню в курс дела, она и говорит: ну а что, можно! Сроду, говорит, про меня в газетах не писали. А тут фотография будет! И в Пензу своей сестре можно послать, и в Бобруйск племянникам. И замуж, говорит, может, ещё раз выйду. В пятый. Или шестой. Не помню точно, говорит.

Сказано – сделано. Договорились о фотосессии на завтра. Утром я глянул на градусник за окном – минус тридцать. Во, в самый раз – это ж как красиво баба Таня будет куриться паром на морозе! Оделся потеплее, отыскал фотоаппарат и вышел во двор. А Мать-моржиха уже ждёт меня, полуголая, на свидание. Только не с цветами, а с ведром воды. И на нём уже корочка льда.

– Ну, сколько тебя ждать, паря? – говорит баба Таня. – Снимай давай, а то вода скоро совсем замёрзнет.

Я поймал бабу Таню в кадр, командую:

– Так, ведро кверху. Можно выливать! Готово!

Пар от бабы Тани – как от закипевшего чайника. Самое то должно быть.

– Ну, я пошла, – говорит Мать-моржиха.

А я глянул в камеру – блин, снимок совсем тёмный получился. Оно и понятно, утро же ещё. Надо было со вспышкой.

– Баба Таня, – говорю, дуя на замёрзшие пальцы. – А слабо ещё разик? Под вспышку. Так красившее будет.

– Ах ты, соблазнитель! – Погрозила мне баба Таня пальчиком и пошла домой за очередным ведром. Неспешно так

пошла, величаво, оставляя в снегу талые следы.

– Баба Таня! – Кричу я. – Побыстрее, пожалуйста, холодно же!

Вышла она с новым ведром воды, приняла эффектную позу.

– Ну? – спрашивает.

А я не могу надавить на кнопку – пальцы заоченели.

– Баба Таня, постой минутку, руки отогрею!

– Две минуты, паря, не больше! – Мать-моржиха уже слегка посуровела. – А то я на этот, как его, на фитнес опаздываю...

Я затолкал заоченевшие руки себе глубоко под мышки, попрыгал на месте – ноги в ботиночках тоже зазябли. Минут через пять, чувствую, пальцы рук снова стали гнуться.

– Готово! – кричу. – Итак, ведро наверх, баба Таня! И на себя!

Облилась она снова, я кляцнул кнопкой, а вспышки нет. Ещё раз – нет! Чёрт, батарейки, видать, подсели на морозе. Что делать? Не бросать же начатое дело на полпути. Тем более видно же, что Мать-моржиха только распалилась от водных процедур, вон какая красная стоит.

– М-мать М-моржи... Т-то есть, б-баба Таня! – сказал я со всей силой убедительности, какую только нашёл в своём насквозь продрогшем организме. – В-вот гадом буду – последний раз, а? Я только сбегая, ба... батарейку заменяю, а? Г-гонорар за фотку п-пополам, так уж и быть, а?

– Точно последний раз? – Заботливо отламывая сосульку с моего носа, спросила Мать-моржиха. – Ну, смотри, паря!

И мы вместе, как голубки, только она – розовая, а я – синий, пошли в свой подъезд: она – за водой, я – за батареей. Не скрою, дома я, клацая зубами, сразу кинулся к холодильнику. У меня там давно стояла бутылочка коньяка. Так, на всякий случай. Этот случай был не всякий, и потому я почти без передышки отпил сразу половину.

Чудодейственная влага тут же вернула меня к жизни, и я через две ступеньки поскакал вниз, где меня ждала она, замечательная полуобнажённая женщина. С полным ведром воды. Ну, сейчас-то у нас с ней всё получится!

– Эй, чудило! А фотоаппарат твой где? – ледяным тоном спросила меня Мать-моржиха.

Я посмотрел себе на грудь – там ничего не висело. Забыл дома, б-блин!

– Только никуда не уходи, баба Таня! – заорал я благим матом. – Только стой на месте, милая ты моя Моржулечка! Я мигом!

Через пять секунд я уже вернулся обратно с фотоаппаратом. Слава Богу, Мать-моржиха была на месте.

– Ну, ведро к голове! – бодро скомандовал я, нацеливая объектив на бабу Таню.

– Погоди, – сказала Мать-моржиха. – Дай-ка мне аппарат, паря, я сама гляну, всё ли в порядке. Чтобы наверняка уж.

– Погоди, – сказала Мать-моржиха. – Дай-ка мне аппарат,

паря, я сама гляну, всё ли в порядке. Чтобы наверняка уж.

Я пожал плечами, но фотоаппарат отдал. Баба Таня повесила его себе на шею, не спеша вернулась к ведру и вдруг схватила его и выплеснула всю воду на меня! Меня сначала обожгла ледяная вода, и почти тут же по глазам резанула ещё и фотовспышка. От неожиданности и возмущения я только хватал ртом воздух, не в силах что-либо вымолвить.

– Вот теперь порядок! – сказала Мать-моржиха, скалясь в очаровательной улыбке. – Забирай свой фотоаппарат и беги домой греться... Пингвин!

...Снимок, который я потом всё же отправил в газету, так и назывался – «Пингвин». И победил на конкурсе.

А во дворе у нас теперь двое чудаков, регулярно обливающих водой. Это она, Мать-моржиха, ну и я, её выученик – Пингвин...

Бабушки и дедушки

Я и сам уже неоднократно дед, но своих бабушек и дедушку помню. Вот они в гостях у нас в Пятерыжске (скорее всего, в начале 70-х, когда я был в армии) – мамыны родители и отцова мама, слева которая). Дедушку по отцовой линии я и в глаза не видел – он умер очень рано, до моего рождения. А с остальными своими предками, еще дореволюционных годов рождения, успел и повидаться, и пообщаться.

Правда, не так часто, как хотелось бы: мы с 50-х годов жили в Казахстане, а дед и бабушки так и оставались на своей родине, в Татарстане, куда мы изредка ездили в гости, а они к нам – еще реже, потому как дорога дальняя, а они тогда были уже в возрасте.



Фото сделано, скорее всего, в соседнем, через иртышскую паромную переправу, райцентре Иртышке. Из внуков на нем только одна Роза. Ну, про себя я уже сказал, Рината тогда тоже, скорее всего, не было дома – он учился в Павлодаре. Ну а другого моего младшего брата Рашита могли оставить дома на хозяйстве, когда поехали ненадолго в Иртышск: тамошних татарстанских земляков навестить, сфотографироваться...

Какие они были, мои бабушки и дедушки? Обычные крестьяне, трудолюбивые, домовитые, богобоязненные. Главы больших семейств: и у отцовых, и маминых родителей детей

(выживших) было не менее чем по пять-шесть. Понятно, что внуков и правнуков у них было много, но и любви, ласки на всех хватало. Правда, не помню, чтобы они сюсюкались с нами, любовь их была скорее строгая, дозированная, не дающая чувствовать, что тебе все дозволено. Так же, кстати, к нам относились и родители. Но это и хорошо, так что выросли мы неизбалованными...



Берегите мужчин

«Заберите меня, а?!»

– Полицию вызывали?

– Да, вызывали, вызывали! Сколько вас можно ждать?

– Так пробки же! Ну, и что у вас тут случилось?

– Заберите вот этого изверга, этого уголовника!

– Это кого?

– Ну вот его же, мужа моего!

– Извините, гражданочка, но я что-то не вижу повода, видимых причин, чтобы забрать этого гражданина. У вас дома тихо, идеальный, порядок, следов дебоша нет. А муж ваш сидит себе, чай пьет.

– Тьфу! Это я не сядь пью, это я рот полощу. Нет узя, заберите меня. Где васи эти, как их, оковы? Заковывайте и забирайте меня!

– Не оковы, а наручники. За что вас забирать-то?

– Так он вам и скажет, зверь! Это я знаю, за что его надо забрать. А ты, животное, не радуйся, мне решать, забирать тебя или нет.

– Все, у меня кончается терпение! Говорите четко, гражданка, за что мне забирать вашего мужа?

– Он руку на меня поднял!

– Где, покажите?

– Что показать?

– Ну, следы подъема его руки на вас?

– Так вы будет меня забирать, товарищ лейтенант, или нет? Я вон узе и узелок собрал. Пойдемте, где вся арестантская масина?

– А ну сидеть! Не слушайте его, товарищ мили... полиционер! Ишь, обрадовался!

– Так, гражданин, может, вы мне объясните, что у вас тут произошло?

– Да стё – присёл я с работы, а она постелила на пол новый ковер...

– Ну и что?

– А я несяянно наступил... туфлём... Совсем на краесек.

– Так, дальше?

– А стё дальсе? Она как даст мне с правой, у меня зюб и вылетел. Она хотела иссё и с левой приложиться. Да я вовремя руку поднял, закрылся. Заберите меня, а? У меня зубёв не так узь и много осталось...

– А, вон оно что! С удовольствием! Берите, ребята этого хулигана. Пусть хоть у нас суток пятнадцать отдохнет...



Семечки

– Ну, что вам, бабуси, делать больше нечего, кроме как семечками здесь сорить да сплетничать? – сердито замечала Юлия Петровна трем закадычным подружкам, когда по утрам проходила мимо них на автобусную остановку.

– Какие мы тебе бабуси? – обижалась Ольга Валерьевна.

– Да и не сорим мы вовсе, – вторила ей Варвара Игнатьевна. – Вон кулечки у всех, туда шелуху сплевываем.

– Шава ты псе бегаишь да бегаишь? – сострадательно спрашивала третья из подружек, Марзия Хасановна. – Садись, кызым, к нам, пагаварим за жизнь!

– Некогда мне! – обрывала их Юлия Петровна и уносилась на остановку. «Ну, о чем можно болтать часами?» – недоуменно думала она, трясаясь в маршрутке по дороге на работу в школу.

Но однажды Юлия Петровна оказалась на больничном, а когда ей стало полегче, вышла на улицу подышать свежим воздухом. На лавочке перед подъездом сидела все та же компания.

– Садись, девонька, – доброжелательно похлопала по лавочке рядом с собой Варвара Игнатьевна.

– Да, да, подыши с нами – вон ты какая бледная, – пожалела ее Ольга Валерьевна.

– На, кызым, пащалкай, – протянула сухой кулачок с ка-

леными семечками Марзия Хасановна.

Отказываться было неудобно. Юлия Петровна приняла семечки и уселась рядом с Вараварой Игнатьевной.

– Ну, так вот, бабоньки, я и говорю – ходит он теперь к этой, блондинке с третьего этажа, – возобновила прерванный разговор Ольга Валерьевна.

– Ай, сапсем собесть нет! – сплюнула Марзия Хасановна в газетный кулечек.

«Ну вот, в самый разгар рождения сплетни попала!» – с досадой подумала Юлия Петровна и, закинув в рот пару семечек, разгрызла их.

– А кто и к какой, говорите, блондинке ходит? – вдруг услышала она свой заинтересованный голос и от неожиданности поперхнулась шелухой, закашлялась.

– Ну, как же, все об этом знают, – с укором сказала Ольга Валерьевна, смахивая прилипшую к подбородку семечную лузгу. – Совсем ты, соседка, от жизни отстала!

– На третьем этаже, между прочим, я живу, – прокашлявшись, сказала Юлия Петровна. – И никакой блондинки там не знаю. Кроме разве что меня самой.

Ее соседки визгливо засмеялись.

– К тебе, Юленька, Шалва не пойдет, – снисходительно пояснила Варвара Петровна. – Твой поезд ушел, как и наш. Ему только молодых подавай.

– А кто он, этот Шалва-то? – чувствуя охватившее ее любопытство, нетерпеливо спросила Юлия Петровна, забрасы-

вая в рот очередную щепотку семечек.

– Сапсем прапаций баба! – осуждающе покачала головой Марзия Хасановна. – Даже кто такой Шалва не знает...

– Это же наш местный олигархик! – сказала Ольга Валерьевна. – У него чебуречная. А живет он в первом подъезде. Холостой. Но каждый месяц женится на новой блондинке. Вот сейчас обхаживает Маргаритку из двадцать третьей.

– Ох, бабоньки, а что у нас в школе делается! – вдруг азартно сказала Юлия Петровна, возбужденно хрустя семечками. – К нам молодой биолог поступил на работу. Совсем еще мальчик, только после института. Так его директриса, эта змея подколодная, тут же в оборот взяла.

– Надо же! – всплеснула руками Ольга Валерьевна. – У нее такие новости в школе, а она ходит тут, святошу из себя строит. Ну, рассказывай!

– В подробностях! – потребовала Варвара Игнатьевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.